

Рассказы

Специальные красители

– Стабилизатор танковой пушки в двух плоскостях, многотопливные танковые двигатели, двухконтурные авиационные двигатели, – проглатывая окончания, торопливо читал секретарь.

Устинов морщился: все не то.

– Новые французские ПТУРС, отработка способов бомбометания с крутого кабрирования, красители для снижения уровня проникающей радиации...

– Стой, что за красители?

Секретарь зашелестел страницами увесистого тома и, открыв нужную, прочитал короткое сообщение: «В американской печати появились сообщения о разработке специальных красителей для стратегических бомбардировщиков. Краситель, нанесенный на корпус бомбардировщика, позволяет снизить уровень проникающей радиации высотных ядерных взрывов. За счет использования этого красителя возможно повысить живучесть стратегических бомбардировщиков и их экипажей при совершении высотных полетов над территорией противника в ходе ядерной войны».

– Оно! – Устинов сунул лист в красную папку и на ходу бросил: – Машину!

Дмитрий Федорович Устинов слыл в ЦК непревзойденным знатоком военных вопросов.

Секрет его успеха был весьма прост: он иногда читал разведсводку Генерального штаба, которая регулярно рассылается всем членам ЦК, но мало кем читается.

В аппарате Устинова несколько секретарей и референтов постоянно занимались лишь тем, что из самой свежей сводки выискивали короткие заметки с броскими заголовками, которые их шеф затем зачитывал на совещаниях в ЦК, потрясая собравшихся глубиной эрудиции.

Совещание в ЦК приближалось к концу. Министр обороны и начальник Генштаба переглянулись: сейчас, мол, начнется демонстрация знаний.

Они не ошиблись. Все взгляды устремились на Устинова. Он встал и не спеша начал:

– Американцы краску разрабатывают для бомбардировщиков, которая снижает уровень радиации.

Военные это сообщение уже читали, и оно на них особого впечатления не произвело: обычное ординарное изменение, которых каждую неделю происходят сотни. Но партаппаратчики оживились. Завязалась дискуссия, в результате которой и было принято решение разработать в кратчайший срок подобную же краску в Советском Союзе.

kp.ru

Маршалы выходили с совещания, не скрывая раздражения: столько времени потеряно, такую чепуху можно и на более низком уровне решать, зачем же ЦК загружать такими пустяками.

Партаппаратчики выходили с совещания с гордостью за своего руководителя, который настолько глубоко знает все детали, все мелочи, всю подноготную военных проблем.

Разработка специальной краски была поручена какому-то НИИ, в котором был

создан подотдел по разработке специальных красителей, сокращенно «СК». Через неделю работы подотдел представил объемистый доклад, в котором обосновывалось предложение превращения подотдела в отдел, с включением в него трех подотделов: общего, высотных испытаний и ядерных излучений. Такой отдел был создан. В его состав включили специалистов по радиоактивным излучениям и специалистов по низким давлениям и температурам, ибо краску предстояло использовать именно в таких условиях. Новый отдел приступил к работе, и непроницаемая мгла государственной тайны покрыла всю его деятельность.

Сразу после создания отдел начал быстро разбухать, и немудрено. Испытания красок надо было производить на ядерном полигоне на Новой Земле, а институт находился в Москве. Срочно потребовалось создание филиала на Новой Земле. Кроме того, для испытаний краски нужны были мощные барокамеры, имитирующие условия высотного полета. Но свободных барокамер не было, а их строительство могло затянуться. Поэтому было решено проводить испытания не в лабораторных условиях, а прямо на самолетах. В распоряжение отдела было выделено два старых бомбардировщика, которые почти ежедневно перекрашивали, после чего они поднимались на большую высоту.

Первые испытания в стратосфере вскрыли новые трудности и новые проблемы.

Краска создавалась для очень низких температур и в этих условиях вела себя неплохо, но корпус самолета в полете охлаждается неравномерно, а в некоторых местах даже нагревается, особенно на бомбардировщиках «М-4» и «Ту-16», у которых двигатели прижаты к корпусу. В местах соединения двигателей с корпусом краска отваливалась пластами сразу после взлета. Для борьбы с этим явлением был создан отдел термической устойчивости СК.

Было и еще множество проблем, для разрешения которых создавались новые группы, подотделы, отделы, лаборатории. Через год после начала работы было признано целесообразным сосредоточить все исследования над данной проблемой в руках одной мощной научно-исследовательской организации, которая получила наименование НИИСК – Научно-исследовательский институт специальных красителей Министерства химической промышленности.

Примерно к этому периоду относятся и первые результаты – создание образцов красителей, действительно снижающих проникающую радиацию.

На создателей СК обрушился поток премий, орденов, медалей, научных степеней и званий.

Для производства красителя был построен мощный комбинат под Новосибирском, и другой, дублирующий, под Саратовом. Краситель был принят на вооружение Дальней авиации, отчего ее неуязвимость резко возросла.

Правда, оставалась нерешенной еще масса проблем, основной из которых была проблема гидроустойчивости СК. При соприкосновении с водой краска теряла все свои защитные качества. После каждого дождя или снегопада все самолеты стратегической авиации приходилось перекрашивать. Перекрашивать приходилось и после каждого полета, ибо на поверхности самолета в полете конденсируется влага, которая через несколько часов полета лишит самолет всей его противоатомной защиты. Представь себе, мой читатель, стратегический бомбардировщик «М-4», у которого длина корпуса 50 метров, а размах крыльев 52 метра. А теперь представь себе советскую стратегическую авиацию с ее дивизиями, корпусами, с заполярными аэродромами и сверхдальними перелетами. И все эти самолеты нужно красить после каждого дождя и каждого полета! Вручную! Ибо от использования распылителей качества краски теряются. Кроме того, стояло множество других проблем. Для их решения было организовано Главное управление специальных красителей – ГУСК. Вначале называли Главным управлением специальных авиационных красителей, но тогда в сокращении получилось неблагозвучие – ГУСАК.

Новому управлению были подчинены два комбината, три НИИ: НИИСК, НИИУСК – устойчивости красителей, и технологический, который занимался разработкой оборудования и организацией производства на действующих комбинатах. Технологический институт, кроме всего прочего, занимался проблемами снижения себестоимости красителя.

Для подготовки специалистов для новой отрасли были организованы два техникума и несколько ПТУ.

После создания Главного управления в Москве было созвано всесоюзное совещание по проблемам спецкрасителей, совершенно секретное, разумеется. Совещание происходило в Военной академии химической защиты. Присутствовали представители Министерства обороны. Генерального штаба. Главного командования ВВС и командования Дальней авиации, представители химической, авиационной, ядерной промышленности, представители многочисленных научно-исследовательских организаций и учреждений.

Шла бурная дискуссия. Кто-то попробовал подсчитать стоимость одного килограмма краски, получалась фантастическая цифра, кто-то предлагал строить специальные ангары для стратегических бомбардировщиков – предлагались проекты

гигантских сооружений высотой 25 метров, предлагались специальные пленки для защиты краски от непогоды. Кто-то предложил не красить самолеты после каждого дождя, а красить только перед началом боевых действий. Генеральный штаб резко отклонил такое предложение, ибо существуют сотни признаков, по которым иностранная разведка определяет начало настоящей подготовки к войне от простой демонстрации мощи. Если они получают данные, что все стратегические бомбардировщики на всех аэродромах одновременно начали перекрашиваться, это может навести на некоторые выводы.

В общем, было много шума, много споров, аргументов и контраргументов, дельных и не совсем дельных предложений, но совещание явно заходило в тупик. Вот тогда-то в президиум и поступила записка: «Имею кардинальные решения по ряду принципиальных вопросов. Прошу слова. Студент четвертого курса М. Касатонов»

Устинов поморщился, откуда в зале студенты взялись? Ему объяснили, что присутствует только один студент, который, изучая спецкрасители, увлекся ими всерьез и внес ряд ценных технических новшеств в технологию СК.

Студент в поношенной клетчатой ковбойке и в старомодных круглых очках на остром носу поднялся на трибуну. На его появление зал не реагировал. Каждый продолжал доказывать соседу свое единственно верное решение. Но студент был настойчив, постучал пальцем по микрофону и дождался, пока зал обратит на него внимание. Удостоверившись, что его слушают, он начал:

– Задача: бомбардировщик «М-4» над Соединенными Штатами. Краситель абсолютный – совершенно не пропускает радиацию. Допустим, нам удалось такой разработать. Высота 15 000 метров. В километре от самолета происходит подрыв стандартного ЯЗУ ракеты «Найк Геркулес», тротильный эквивалент 10 килотонн. Вопрос: что произойдет с бомбардировщиком? Ответ: его сомнет ударной волной. Вывод: спецкраситель нужен стратегическому бомбардировщику, как мертвому припарки!

Зал взревел.

Спецкраситель давно для многих тысяч людей стал изумительной кормушкой. Главное управление не успело еще организовать, а уж обросло сетью закрытых спецмагазинов и столовых, зонами отдыха, санаториями и персональными дачами (вредное производство!) Сколько народу успело защитить диссертации, сколько

премий и орденов получено и обмыто! Как жилось-то привольно! С особыми льготами, ядерные исследования как-никак! Приятно, живешь за зеленым забором, а тысячи охранников со сторожевыми псами тебя охраняют! Красота! Какой городок отстроили! Чистота, порядок, кругом сосновый бор, ни хулиганства, ни очередей в магазинах. Для детей спецшкол понастроили с особо отобранными преподавателями, бассейны, пруды, стадионы. И вот на тебе! Все прахом!

Но доводы студента были железными, незачем защищать самолет от одного поражающего фактора, пока от других нет самолету в воздухе никакой защиты, ни от ударной волны, ни от светового излучения, ни от электромагнитного импульса, который начисто выводит всю электронику из строя.

В тот же день в 21.00 полное содержание речи студента Касатонова было доложено Центральному Комитету, а в 21.03 Главное управление специальных красителей прекратило свое существование.

И никому не хотелось вспоминать, что работы тянулись 11 лет, и что вся затея

стоила миллиарды рублей.

И уж конечно, никому не хотелось вспоминать того, что началось все со страстного желания товарища Устинова продемонстрировать свою осведомленность в последних достижениях западной технологии, с маленькой заметки в провинциальной американской газете. Наверное, очень маленькая фирма пыталась сделать себе рекламу. Серьезные люди на такое сообщение внимания не обратили. А если и обратили, то проблему рассматривали не с одной точки зрения, а со многих, комплексно.

(глава из книги Виктора Суворова Освободитель)

dxdt.ru

Наша служба и опасна и трудна...

Гаю Антонию Троссулу доверено ответственное задание: как можно больше людей подвести под топор палача, внести их имена в проскрипционные списки. А что должны совершить эти люди для того, чтобы их головы вывесили над воротами города Арретия в Этрурии? Гнусное злодеяние: *crimen laesae majestatis* [Преступление оскорбления величества (или величия) (лат.)] - преступление, состоящее в оскорблении величества, оскорблении пресветлого цезаря римской империи Тиберия.

Антоний Троссул – начальник арретийских тайных ликторов, бдящих о порядке в римской империи. Правда, в прошлом он был разбойником в Трентанин над рекой Тиферном, потом поставлял краденых девушек диким горным племенам в Умбрии, а впоследствии занимался самым обыкновенным воровством, обкрадывая бедных поселенцев в Коллации [Коллация – сабинский город к востоку от Рима], в 450 стадия [450 стадий – около 87,5 км] от Рима. Старый добрый опыт должен помочь ему успешно выполнить нынешние почетные обязанности – ведь опытному убийце, вору и бандиту нетрудно втереться куда угодно. Но почему же именно теперь, именно в этрусском городе Арретии начинает он свою Деятельность?

О боги! Да кто же из римлян не знает, что в ближайшее время, «*idibus martiis*» [Мартовские иды 15 марта (лат.)], цезарь Тиберий [Тиберий Клавдий Нерон (14-37 гг.) – римский император.] прибудет из Рима в Арретии, чтобы омыть свои ноги в реке Арно,

протекающей в 50 000 римских шагов отсюда? Кто из римлян не знает, что арретийская община сооружает триумфальные арки от Кортонны до самого Арретия, что рабы трудятся даже ночью, воздвигая повсюду триумфальные столбы? Вся Этрурия в один голос твердит, что это будет стоить немалых денег и что по окончании торжеств для возмещения расходов! придется предпринять набег на Умбрию. Но – да здравствует пятикратно пресветлый цезарь!

Пусть он увидит, как обожают его потомки этрусков, когда на пилонах вспыхнут огни и начальник городского совета Арретия выйдет с тремя легионами гарнизона приветствовать пресветлого. А потом в городском цирке начнутся игры, где несколько осужденных на смерть злодеев будут убивать друг друга и выкрикивать в сторону цезарева кресла, стоящего на возвышении «*Morituri te salutant!* - Идущие на смерть приветствуют тебя!», а кто из этих презренных останется в живых, тот будет амнистирован пятикратно пресветлым. «*Salve caesar!*» [Здравствуй, цезарь! (лат.)].

А пока Антоний Трассу будет ходить по городу и прислушиваться к разговорам арретийцев, которые восхищаются триумфальными воротами и с интересом наблюдают, как протекает их строительство. Вот тут-то и заговорит с ними Троссул, начальник тайных ликторов [Ликторы – древнеримские стражи.], и горе мерзавцу, который скажет, что Тиберий – дурак. Он может и не говорить этого, достаточно, чтоб он так подумал. От этого ему будет не легче. Его предадут в руки ликторов, вывалят в смоле, а по приезде цезаря, к вечеру, под звуки труб мерзкое его тело будет гореть ясным пламенем в честь пресветлого, во славу его божественности.

Впрочем, достаточно будет сказать, например, что сооружение триумфальных ворот – глупая затея. В таком случае ликторы предадут этого подлого хулителя секирам, он будет четвертован на дороге в Кортону. А если он окажет, что народ голодает и бедствуем и что слишком много общественных денег расходуется на кратковременное чествование цезаря, то этого выродка заживо распилят на Циминском холме в то самое время, когда народ будет радостно восклицать:

«*Salve, caesar!* – Здравствуй, цезарь!» Сколько же таких негодяев запишут Троссул в проскрипционные списки? Все зависит только от него. А потому отправляйся-ка, Гай Антоний, туда, где рабы сооружают триумфальные ворота. Глянь, сколько народу наблюдает за строительством!

А вон у того пилонна, на который вешают гирлянды, сплетенные из горной умбрийской туи, стоит весьма подозрительный человек, вид у него недовольный, туника грязная. И обрати внимание, Антоний Троссул, как странно он смотрит! Судя по всему, этот нищий тунеядец думает, что будь у него столько денег, сколько стоят один такой триумфальный столб, уж он бы отгрохал себе дачку на берегу Тразименского

озера. И сандалии у него подозрительные! Как смеет человек, наблюдающий за строительством триумфальных ворот в честь цезаря, ходить в рваных сандалиях? И какие мысли могут приходить такому человеку в голову, если его сандалии протекают? А потому, любезный Антоний, проверь-ка похитрее, что думает о цезаре и триумфальных арках этот бедно одетый, подозрительный тунеядец.

И с улыбкой приблизившись, Гай Антоний Тросеул наступил ему на ногу и ласково сказал:

– О, прости, друг!

– Охотно прощаю, друг мой. О, друг, до чего же высоки эти столбы!

– Высокие, ох, высокие, мой милый!

Незнакомец тоже улыбнулся и пододвинулся к Троссулу поближе:

– Вот и я думаю, дружище: ведь народу это не все равно!

«Смотри-ка, Троссул, ведь ты как в воду глядел. Вот он, государственный преступник, прямо перед тобой».

– Так ты, стало быть, думаешь, что народу не все равно? Я тоже думаю, что не все равно...

– А почему ты думаешь, что не все равно, ведь Цезарь...

– Ну, так то цезарь, а ты сам что думаешь?.. Столбы высокие, а могли бы быть еще выше...

«Н-да,– подумал Троссул,– не клюет; ну мы еще посмотрим».

– Так, по-твоему, цезарю все равно? Или народу все равно?

У незнакомца странно замерцали глаза:

– Народу? Ну еще бы, это ведь стоит больших денег – или, по-твоему, ничего не стоит?

– Деньги вложены немалые, да и рабы тоже ведь не даровые,– отвечал Троссул, не теряя надежды, что тот клюнет.

Вокруг них стал собираться народ.

– Столбы хороши,– сказал незнакомец.– Или ты думаешь, что для пятикратно пресветлого они недостаточно великолепны?

– Пятикратно пресветлому эти превосходные столбы понравятся, а народу...

– Народу? Друг, что ты хочешь этим оказать? Они и народу тоже понравятся, потому что народ цезаря просто обожает.

– А чего ты смеешься?

– Ну, я думаю о цезаре, что это за человек.

Троссул тоже рассмеялся:

– Хе-хе, цезарь, какой же это светлый человек!

– А почему бы ему и не быть светлым? – с улыбкой опросил незнакомец, жадно ловя каждое слово Гая Антония.

– Ну, я думаю, солнце тоже светит, но куда ему до цезаря!

Незнакомец кашлянул:

– Солнце и цезарь – оба они нас греют...

Троссул задумчиво покачал головой: «Этот мерзавец все время срывается у меня с крючка». А потому, наклонившись к самому уху незнакомца, он зашептал:

– А ты не думаешь, что и народ, который сооружает триумфальные арки, и цезарь Тиберий, который под ними проедет, – что все они дурачье?

– Ну, раз ты так думаешь, тогда конечно! – радостно зашептал ему на ухо незнакомец и воскликнул:

– Ликторы! Ликторов сюда!

– Ликторы! – воскликнул одновременно с ним Троссул. – Сюда, ликторы!

Они держали друг друга за горло и оба кричали!

– Ты совершил *crimen laesae majestatis*, ты оскорбил пятикратно пресветлого!

– Это я-то? Да ты знаешь, кто я?

– А кто я таков, этого ты не знаешь. Но сейчас узнаешь!

И вот уже бегут ликторы.

– Вот этот сказал, – крикнул Троссул, – что цезарь и народ-дурачье!

– А вот этот, будь он проклят, – крикнул незнакомец, – сказал, что все дурачье – и народ, и цезарь!

– Я – Гай Антоний Троссул, начальник арретийских тайных ликторов, а ты кто таков, враг отечества?

– Я – Марций Юлий Плацентий, начальник римских тайных ликторов...

Но было уже поздно представляться друг другу! Горе тому, кто совершает *crimen laesae majestatis*, кто оскорбляет пятикратно пресветлого цезаря Тиберия и его величие!

Гая Антония Троссула четвертовали у дороги на Кортону, а Марция Юлия Плацентия заживо распилили на Циминском холме в то самое время, когда пятикратно светлый Тиберий въезжал в город потомков этрусков, а народ громогласно возглашал ему навстречу:

– *Salve, caesar!* – Здравствуй, Цезарь!

И когда вечером эту историю рассказали пятикратно пресветлому, он смеялся до поздней ночи... Будь здоров, цезарь!

Ярослав Гашек Приключения Гая Антония Троссула.

Беспристрастный подход

(Антропоцентризму и геоцентризму посвящается)

“Дорогой коллега... Я говорил Вам тогда, что предполагаю наличие существ, способных жить при высоких температурах на горячих, полужидких планетах, и что я намерен провести исследования в этом направлении. Вам угодно было выразить сомнения в успехе подобного предприятия. Итак, вот Вам доказательства. Выбрав огненную планету, я подошел к ней на возможно меньшее расстояние и опустил на длинном асбестовом шнуре огнеупорный киноаппарат и микрофон; таким способом мне удалось получить очень интересные кадры. Позволяю себе приложить к этому письму небольшой образец”.

Научное любопытство терзало меня столь сильно, что, едва окончив читать письмо, я вложил пленку в аппарат, повесил на двери сорванную с кровати простыню и, погасив свет, включил проектор. Сначала на импровизированном экране мелькали только цветные пятна, доносились хриплые звуки и потрескивание, словно в печи полыхали поленья, но затем изображение обрело резкость.

Солнце заходило за горизонт. Поверхность океана трепетала, по ней пробегали маленькие синие огоньки. Пламенные облака бледнели, мрак сгущался. Проглянули первые слабые звезды. Молодой Кралаш только что сошел со своего стержневища,

чтобы насладиться вечерней прогулкой после целого дня утомительных занятий. Он никуда не спешил; мерно шевеля жамбрами, он с наслаждением вдыхал свежие, ароматные клубы раскаленного аммиака. Кто-то приближался, едва виднеясь в сгущающемся сумраке. Краллош напряг слух, но, когда неизвестный подошел ближе, юноша узнал в нем своего друга.

– Какой прекрасный вечер, не правда ли? – сказал Краллош.

Его друг переступил с обойни на обойню, до половины высунулся из огня и ответил:

– Действительно, чудесный. Нашатырь уродился в этом году замечательно, знаешь?

– Да, урожай, похоже, будет богатый.

Краллош лениво заколыхался, перевернулся на живот и, вытаращив все свои зрелки, засмотрелся на звезды.

– Знаешь, приятель, – сказал он чуть погодя, – каждый раз, когда я смотрю в ночное небо, я не могу отделаться от мысли, что там, далеко-далеко, есть иные миры, похожие на наш, точно так же населенные разумными существами...

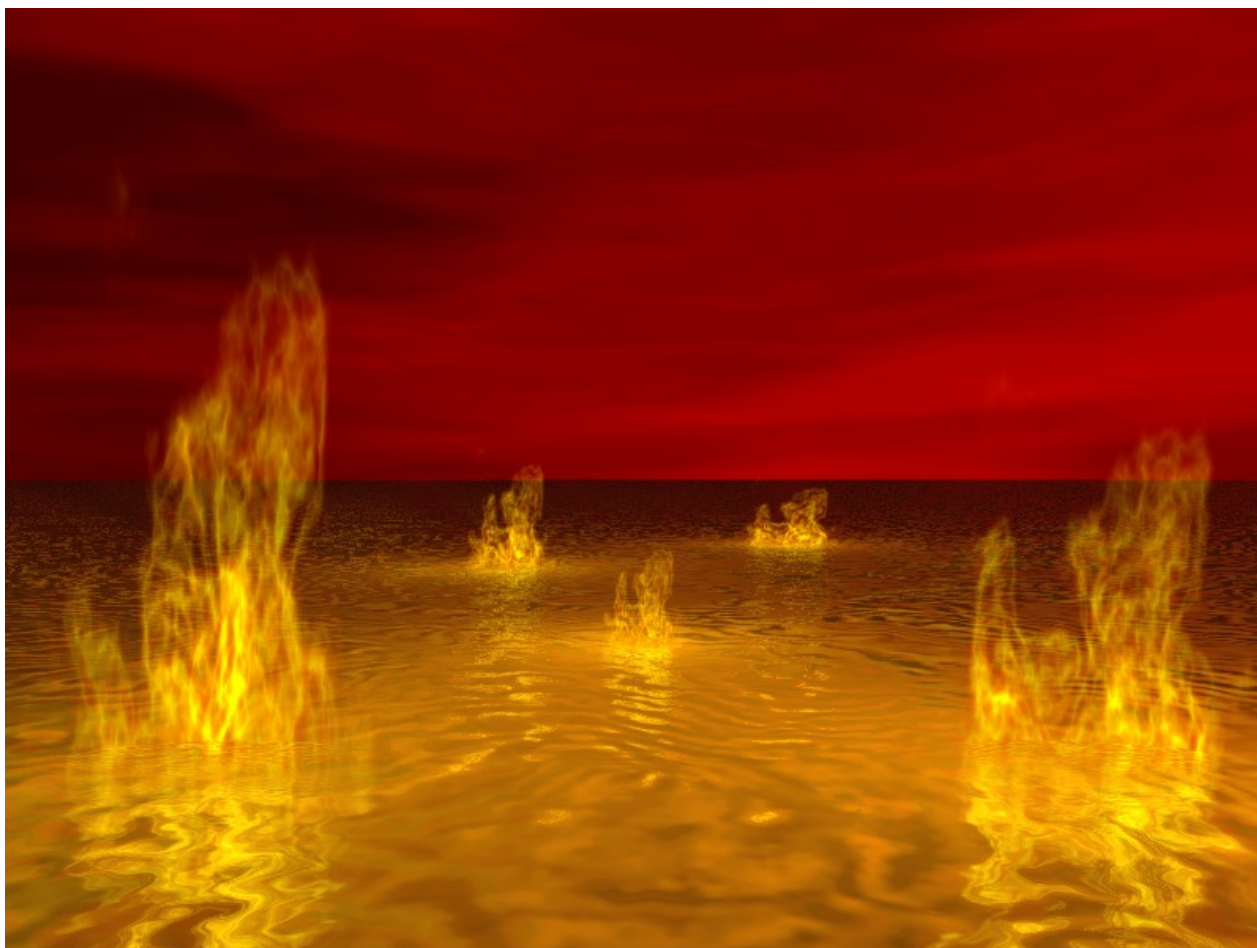
– Кто говорит здесь о разуме?! – послышалось рядом. Оба юноши повернулись к подошедшему, чтобы его разглядеть, и увидели сучковатую, но еще крепкую фигуру Фламенты. Седой ученый приближался к ним величественной походкой, а будущее потомство, похожее на виноградные кисти, уже набухало и пускало первые ростки на его развесистых плечах.

– Я говорил о разумных существах, обитающих на других планетах... – ответил Краллош, топорща трешую в почтительном приветствии.

– Краллош говорит о разумных существах на других планетах?.. – переспросил ученый. – Поглядите на него! На других планетах!!! Ах, Краллош, Краллош! Что ты делаешь, юноша? Даешь волю фантазии? Ну что же... одобряю... в такой прекрасный вечер можно... А правда, сильно похолодало, вы не чувствуете?

– Нет, – ответили оба юноши в один голос.

– Конечно, молодой огонь, знаю. Однако сейчас едва восемьсот шестьдесят градусов, напрасно не взял я накидку на двойной лаве. Ничего не поделаешь,

старость... Так ты говоришь, – продолжал он, поворачиваясь спиной к Кралошу, – что на других планетах есть разумные существа? И каковы же они, по-твоему?

– Точно этого знать нельзя, – ответил несмело юноша. – Думаю, что самые разные. Как я слышал, не исключено появление живых организмов и на более холодных планетах из вещества, называемого белком.

– От кого ты это слышал?! – гневно воскликнул Фламент.

– От Имплоса. Это тот молодой студент-биохимик, который...

– Молодой дурак, скажи лучше! – вспыхнул гневно Фламент. – Жизнь из белка?! Живые белковые существа? И тебе не стыдно повторять такую чепуху в присутствии своего учителя?! Вот плоды невежества и самонадеянности, распространяющихся с устрашающей быстротой! Знаешь, что следовало бы сделать с твоим Имплосом? Обрызгать его водой, вот что!

– Но, уважаемый Фламент, – осмелился возразить друг Кралоша, – почему ты требуешь для Имплоса такой страшной казни? Не мог бы ты сам рассказать нам, как могут выглядеть существа на других планетах? И разве они не могли бы занимать вертикальное положение и передвигаться на так называемых ногах?

– Кто тебе это сказал?

Кралеш испуганно молчал.

– Имплуз... – прошептал его друг.

– Ах, оставьте меня в покое с вашим Имплузом и его выдумками! – вскричал ученый. – Ноги! Вот уж, конечно! Как будто еще двадцать пять пламеней назад я не доказал вам математически, что двуногое существо, поставленное вертикально, немедленно перевернется вверх тормашками! Я даже сделал соответствующую модель и схему, но что вы, лентяи, можете знать об этом? Как выглядят разумные существа на других планетах? Я тебе не скажу, сообрази сам, научись мыслить! Прежде всего у них должны быть органы для усвоения аммиака, не так ли? А какой орган справится с этим лучше, чем жамбры? И они должны передвигаться в среде, умеренно плотной, умеренно теплой, как наша. Должны, верно? Вот видишь! А чем это делать, как не обоянями? Так же будут формироваться и органы чувств: зрелки, трешуя, сяжки. И они должны быть подобны нам, пятеричникам, не только устройством тела, но и общим образом жизни, ибо известно, что пятеричка – основной элемент нашего семейного устройства; попробуй выдумай что-нибудь другое, мучь свое воображение сколько хочешь, и все равно ничего не выйдет! Да, для того, чтобы

основать семью, чтобы дать жизнь потомству, должны соединиться Дада, Гага, Мама, Фафа и Хаха. Ни к чему взаимная симпатия, ни к чему планы и мечты, если не хватит представителя хоть одного из этих пяти полов; однако такая ситуация, увы, встречается в жизни и называется драмой четверицы, или несчастной любовью... Так вот, ты видишь, что если рассуждать без малейшей предвзятости, если опираться только на научные факты, если строго следовать логике и смотреть на вещи холодно и объективно, то придешь к неоспоримому выводу, что всякое разумное существо должно быть подобно пятеричнику... Да. Ну, надеюсь, теперь-то я вас убедил?

Из книги Станислав Лем Звездные дневники Ийона Тихого

